

МОНИКА ИЗАБЕЛЛА ЗЕЛИНЬСКА
Варшавский университет

ОБРАЗ ДЕРЕВНИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ - ПРАВДА ИЛИ ФАЛЬШЬ? ЗАХАР ПРИЛЕПИН И ИРИНА МАМАЕВА

Depiction of countryside in contemporary Russian prose – true or false? Zakhar Prilepin and Irina Mamaeva

In her article, the author states that the topic of countryside in Russian literature has been addressed for a long period of time and this is continued on a contemporary basis, as exemplified by literary works of new realist, including Zakhar Prilepin (*Sankhja*, short stories from the collection *Eight*) and Irina Mamaeva (*Lenka's Wedding*, *The Land of Gai*). The depiction of countryside presented by these writers is negative in meaning as descriptions of both rural life conditions and spatial elements are dominated by motifs of destruction and decay. People leaving here do not have any opportunities or hope for improvement of their lives and cannot adjust to the reality following the political transformations. Showing the vanishing of patriarchal tradition, Prilepin and Mamaeva attempt at some kind of dispute with the representatives of rural prose of the 1960s and 1970s.

Keywords: countryside, new realists, truth, Lenka, Gypsy, horse, death

Деревенская тема характеризуется в русской литературе долгой и богатой традицией – тема деревни появляется уже в эпоху сентиментализма, развивается и эволюционирует на протяжении нескольких веков, не исчезая в 21 столетии, несмотря на – казалось бы на первый взгляд – все меньшие контрасты между деревенской и городской жизнью.

Прежде чем перейти к анализу образа деревни в избранных произведениях новых реалистов Захара Прилепина и Ирины Мамаевой, следует подчеркнуть, что во второй половине 20 века особо существенную роль в русском литературном процессе сыграли пред-ставители деревенской прозы 60-х и 70-х годов. Именно их

творчество Александр Солженицын назвал «беззвучным переворотом», поскольку уже в те времена деревенщики писали так, как будто в русской литературе не существовало директивы социалистического реализма (Солженицын 2000, 186). Василий Белов, Валентин Распутин, Федор Абрамов, Владимир Тендряков и другие писатели этого течения четко видели все пороки и абсурды хозяйствования в деревне, однако открыто не могли подвергнуть сомнению идеологические основы советской системы. Несмотря на упомянутые ограничения, им удалось высказать много справедливых упреков в адрес методов, применяемых в сельском хозяйстве, показать последствия непродуманных экономических решений и мнимого технического прогресса. И хотя некоторые из деревенщиков в определенной степени идеализировали русскую деревню, глубоко и искренне веря, что деревня сохранила патриархальную традицию и народную правду, их произведения сыграли значительную роль в эволюции русской прозы.

Представители младшего поколения русских писателей, особенно те, которые дебютировали в нулевые годы нового столетия, хотя к деревенской теме обращаются не очень часто, показывают сложность положения деревни после 1991 года. Дело касается прежде всего ее жителей, родившихся в Советском Союзе, воспитанных при советской системе и проживших большую часть своей взрослой жизни в условиях действительности социалистической страны. Именно таких героев читатель встретит на страницах некоторых произведений Захара Прилепина и Ирины Мамаевой, связанных с деревней или местом рождения (Прилепин), или профессионально (по образованию Мамаева зоотехник)¹.

Прилепин затрагивает тему деревни в романе *Санька* (2006), а также в повести *Витек* (сборник *Восьмерка*, 2011). Это деревня 90-х или нулевых годов, расположенная далеко от столицы, даже если не в географическом, то в цивилизаторском и ментальном смысле, жители которой чувствуют себя отброшенными обществом и современностью, оказавшейся для них чужой и жестокой. Именно в такой деревне доживают свои дни дед и бабушка главного героя *Саньки*,

---

¹ В интервью З. Прилепину Мамаева говорит, что после окончания Петрозаводского государственного университета «вышла из его стен специалистом по коровам». См. <http://old.lgz.ru/article/1571/> (доступ 29.08.2015).

Александра Тишина, члена национал-большевистской организации «Союз созидателей», объединяющей молодых противников перемен в России после 1991 года. В деревню, где родился и похоронен его отец, Саша едет не из-за тоски по близким (нельзя сказать, что он не любит стариков), но чтобы на некоторое время скрыться от органов безопасности после очередного выступления «СС-овцев». Деревня, изображенная писателем в романе, обладает многими чертами разрушения и упадка, начиная с ведущей к ней дороги, которая «была изорудована и грязна. Из [...] домов мелкий мусор, объедки, помои выбрасывали и выплескивали прямо в канавы у дома – куры склевывали, что могли склевать, остальное тихо подгнивало» (Прилепин 2006). Процесс распада коснулся также жилых домов, тем более что большинство из них пусты, брошены хозяевами на произвол судьбы, садов, сараев и всего, что еще осталось:

Деревня исчезала и отмирала – это чувствовалось во всем. Она отчалила изрытой, черствой темной льдинкой и тихо плыла. Зброшенные, вросшие в землю сараи, стоявшие вдоль дороги, чернели отсыревшими боками, прогнившими досками. На крышах сараев росла трава и даже кривились хилые деревца, прижившиеся, но не нашедшие где пустить корни [...]. Кусты разрослись и ползли на дорогу (Прилепин 2006).

Никого из тех, кто еще остался в деревне, не беспокоит постепенная, но последовательная агония их домов и хозяйств, как будто люди примирились с судьбой, смиренно принимая ее предначертания. Они не хотят бороться ни за что, их жизнь даже трудно назвать жизнью, скорее – это жалкое существование в ожидании смерти, чаще всего в состоянии опьянения, так как только алкоголь помогает им погрузиться в забвение, пережить момент иллюзорного счастья или облегчения. Но это облегчение продолжается недолго, быстро возвращаются злоба и горе. Мужик, по прозвищу Соловей (кстати единственный оставшийся в деревне), злость переносил на свою ни сном, ни духом не виноватую жену, давно проклявшую его и терпевшую крики и ругательства мужа в молчании. Другие, страдающие от одиночества и безнадежности бытия, умерли – как говорилось – от ранней немощи (Комиссар) или наложили на себя руки

(Хомут, поссорившийся с сыновьями, приехавшими помочь ему с огородом, повесился).

Традиционные ценности, такие как любовь к земле и труду, чувство ответственности за землю перед предками и будущими поколениями, давно исчезли из сельской жизни, родители не умели или не хотели передать их своим детям, стараясь облегчить жизнь наследников:

К последним годам прежней власти крестьянство нарастило, наконец, мясо, подкопило денегат. Первое, что делает житель деревенский, всю жизнь вкальвывавший до бесчисленного пота, - дитя свое балует, какого бы возраста оно не было. Именно в те годы вся пацанва деревенская возжелала пересесть с велосипедов на мотоциклы. [...] ездили все пьяные. И сразу же начали биться. Разбивались жутко, вдрызг, летели перед смертью, выброшенные из седла [...], сносили головы свои дурные о деревья и заборы, ломали все кости так, что тело превращалось в розовый мягкий творог (Прилепин 2006).

Девушки, которые вместе с ними ездили, если выжили, из-за повреждения позвоночника оставались парализованными.

Саша Тишин, Санька, как называли его дед и бабушка, не чувствует уже никаких духовных связей с деревней, хотя здесь жил и воспитывался в детстве. Герой не понимает энтузиазма, с каким работал в прошлом его дедушка, получая за свой труд копейки и этом труде еще видя смысл. Этические нормы стариков кажутся ему бессмысленными и наивными, а такой труд считает занятием для неудачников: «Для стариков работа – это землю пахать, или завод, или школа... [...] Но сегодня такой труд стал – в большинстве случаев – уделом людей не очень удачливых, загнанных жизнью» (Прилепин 2006). Деревня, на которую смотрит Саша глазами молодого, но взрослого человека, изменилась к худшему, не напоминает деревни счастливого детства героя. Даже природа как будто тоже подчинилась процессу тотального распада, пляж на реке зарос лопухами, песок стал грязным, вода в реке потеряла свою кристальную чистоту и прозрачность - напоминает кисель. Попытка героя навести порядок на пляже, то есть очистить его от лопухов и трав, закончилась ничем: «Часа через полтора на месте пляжа не осталось ни

одного ростка. Лишь торчали кое-где коренья, оборванные. Пляж не стал ясным и чистым, как в детстве, нет. Пляж будто бы переболел какой то заразой, оспой – и лежал неприветливый, весь в метинах и щербинах» (Прилепин 2006). Для самой деревни и окружающей ее природы, – говорит писатель, – нет уже малейшего шанса на возрождение и спасение; если исчезла красота, то и деревня в недалеком будущем исчезнет с карты мира.

Тема деревни, опустевшей и умирающей, затронута также в повести *Витек*. Это деревня, в которой дедов «не было вовсе, деды перевелись. Детей тоже почти не водилось», молодых женщин и в помине нет, хоть шаром покати», поскольку те «из женщин, что вовремя не сбежали [...], из девичества сразу торопились в сторону некрасивой, изношенной зрелости, чтоб ничего от жизни больше не просить и не ждать» (Прилепин 2011, 16).

В деревне нет школы – ближайшая находится в соседнем селе, за двенадцать километров. Главного героя произведения, мальчика по имени Витек, учит его отец, и ребенок вынужден два раза в год сдавать экзамены.

Символом отмирания деревни является в повести вокзал, где уже не останавливается ни один поезд, поезда лишь быстро пролетают, а время их проезда определяет занятия немногочисленных жителей: «Москва проехала, пора вечерять, - сказал отец» (Прилепин 2011, 12).

Следует подчеркнуть, что образ деревни в этой повести не такой уж мрачный, как в романе *Санька*. Правда, и здесь выпивают, случаются драки, давно исчезли добрососедские отношения, но все-таки не до конца исчезла доброжелательность и сочувствие к порокам и слабостям людей. Зимой отец Витька ходил к алкоголикам, собиравшимся где-то рядом, и топил для них печь, чтобы те, уснув, не замерзли. Бабушка героя также сохранила прежнее, христианское понимание доброжелательности и любви к ближнему, по ее мнению, человека надо прежде всего понять, а не обвинять, даже если он сам виноват в своем несчастье или совершил плохой поступок:

Для бабушки любое человеческое несчастье было равносильно совершенному хорошему делу. Мужик запил, значит, у него жизнь внутри

болит, а раз болит – он добрый человек. Баба гуляет – значит, и ее жизнь болит в груди, и гуляет она от щедрости своего горя. [...] У кого вырезали почку – это все одно, что сироту приютить (Прилепин 2011, 14).

Захар Прилепин не смягчает правду о жизни современной деревни, он осознанно не сгущает красок, не усиливает контрастов между городом и деревней. Однако писатель воздерживается от ответа на вопрос о причинах отрицательных изменений в деревне, не говорит напрямик, что русская деревня стала жертвой трансформации. Ответ на этот сложный вопрос содержит в себе образ деревенской жизни, созданный автором в романе *Санька* и повести *Витек*.

Правду о деревне не смягчает также Ирина Мамаева, в творчестве которой пока доминирует деревенская тема. Мамаева смотрит на деревню не со стороны, ее точка зрения находится как будто в центре происходящих событий, она пишет о том, что знает и видела собственными глазами, что ее волнует и болит, когда смотрит на страдания и муки ни в чем не повинных людей. Как говорила писательница в интервью Михаилу Бойко (2007), она не может сидеть спокойно, «когда рядом [...] живут люди, которых государство бросило. Они мучаются, страдают, спиваются – почему? В чем они виноваты? Ни в чем! Страдание не оттого, что нагрешили и вынуждены теперь расплачиваться, нет. Это испытание. Испытание смирения, терпения, веры, в первую очередь»². Но назвать Ирину Мамаеву бытописателем нельзя. Елена Погорелая подчеркивает, что «бытовой материал, с которым работает автор, [...] в абсолютности этого быта соприкасается с мифом; тайные смыслы, осевшие в подсознании, преодолевают, перекраивают текущую ткань» (Погорелая 2007). Соприкосновение с мифом имеет место уже в первой повести писательницы *Ленкина свадьба* (2005), в которой брак отождествляется со смертью: главная героиня, защищая возлюбленного от атаки быка, гибнет, хотя повесть кончается описанием брака Ленки и Юрки, а не описанием смерти девушки.

---

² *Настоящий писатель похож на ребенка. Беседа с Ириной Мамаевой.* «Литературная Россия», # 16 от 16 апреля 2007 г., <http://mikhail-boyko.narod.ru/interview/mamaeva.html>.

В *Ленкиной свадьбе*, как и в прилепинском *Витьке*, жизнь в деревне далека от идеала. Алкоголизм – явление распространенное, наравне пьют мужчины и женщины, люди ссорятся друг с другом, из-за алкоголя воруют, как, например местные алкаши, которые воруют все, что удастся утащить (телевизоры, лампы, одежду, даже картошку из ям), потом ходят по домам и продают ворованное за копейки, «лишь бы накрести на бутылку» (Мамаева 2005). Мужья бросают жен и детей на произвол судьбы, спиваются. Женщины быстро стареют, одеваются в бесформенные платья – «гуманитарную одежду». Но в отношениях мужей и жен, мужчин и женщин многое изменилось: женщины не страдают в молчании, они уже не беззащитные существа, прежде всего они хотят воспитать детей и обеспечить им образование, научились защищаться – одна из героинь повести посадила своего мужа в тюрьму по нехорошей статье и самолично воспитывает четырех дочерей.

Героиня повести, 16-летняя Ленка Абрамова, работает дояркой на ферме и любит заниматься телятами и коровами. Во время работы ее голова «делалась свободна, чиста, без суеты» (Мамаева 2005). Эта свойственная Ленке черта отсылает читателя к образу праведницы Матрены из рассказа Солженицына *Матренин двор*. Ленка, окончившая лишь шесть классов (любила учиться, но не успевала за ровесниками и дальше ее не взяли), не жалуется – как и Матрена – на свою судьбу, даже не думает о том, чтобы что-то изменить в своей жизни: переехать в город, жить как женщины, чьи фотографии публикуются в «Крестьянке», единственном глянцево-м журнале, доступном в деревне: «В деревне были бабы, девки, старухи, а в этой другой [городской – М. З.] жизни – женщины. В легких платьях и на высоких каблуках» (Мамаева 2005). Ленка интуитивно чувствует, что в городе живут такие же люди, как и в деревне, вовсе не «лучше, выше, красивее» (Мамаева 2005), тем более что здесь, рядом с ней, живут те, которых она знала и любила. Героиня не представляет себе жизни без работы – ей чужд взгляд на жизнь городской девушки Аньки, временно проживающей в Куйтежах, утверждающей, что работают лишь глупые, а умные находят себе такое место, где работать не надо, так как жизнь – это сплошное развлечение.

Ленка, которую ровесники не считают умной и привлекательной (одевается по-деревенски, не красится, не умеет вести разговор), по отношению к людям доброжелательна и пряма, всегда готова помочь – она не может равнодушно смотреть на любую дерзость и несправедливость, не молчит, когда люди обижают слабых или издеваются над ними. Героиня смело заступает за знакомого парня, когда местные озорники отнимают у него книжку стихов, чем кстати удивляет и себя, и ровесников. За любимого человека она готова пожертвовать собой, даже умереть: как уже упоминалось раньше, Ленка погибает, защищая собственным телом Юрку, который, используя ее чистоту и наивность, не обращает малейшего внимания на влюбленную в него девушку.

В формировании характера героини важную роль, несомненно, сыграла вера в Бога, лишенная всякой рефлексии и сомнений, по детски чистая, как она сама. Неважно, что она не знает текстов молитв, вряд ли знает десять заповедей, гораздо важнее, что живет и поступает согласно им. И хотя Ленка не умеет молиться «правильно», она находит свой путь к Богу – просто с Ним «разговаривает», рассказывает Ему о своих чувствах, о любви к Юрке, о том, что происходит в Куйтежах, надеясь, что Господь ее слушает и понимает.

Читая повесть Ирины Мамаевой, хочется верить, что среди современников есть еще такие прирожденные ангелы, хотя и не до конца безгрешные, как Ленка и ее бабушка, никому не отказывающие в помощи, что существуют еще счастливые семьи, в которых муж и жена любят и уважают друг друга, как родители Ленки, что молодые люди не мечтают только о деньгах, развлечениях и легкой жизни и хотят честно работать. Наверно, образ мира, созданный писательницей, не образцовый, однако некой доли идеализации здесь трудно не заметить.

Образ деревенской жизни, созданный в повести *Земля Гай* (2006), намного мрачнее, чем предыдущий. Цитированная раньше Елена Погорелая замечает, что в этом произведении «нет уже ничего, что поблескивало позитивом [...]: ни пестрого, суетного мирка молодежи с ее немудрящими радостями и заботами, ни семейной основы, так или иначе держащей мир» (Погорелая 2007). Мамаева изображает в этом произведении мир тотального распада, мир лю-

дей никому ненужных, которые обречены на гибель. В деревне (как мы узнаем из статьи посетившего Гай журналиста) проживает около 200 человек, почти половина – пенсионеры, а из остальных трудоспособных лишь 12 человек. Гайский леспромхоз закрыли окончательно в 2001 году, так как всякие попытки его «финансового оздоровления» потерпели поражение. От горя и чувства безнадежности люди пьют на небольшие деньги, получаемые от государства по безработице. В Гае люди живут в условиях недостойных человека, в разваливающихся избах и бараках. И дело не в том, что жители не хотят ничего изменить, что принимают свою судьбу со смирением, они просто не в состоянии бороться за свое существование, не в состоянии найти выход из замкнутого круга беды и несчастья, а бездарные власти не умеют создать план спасения деревни. Почти все тоскуют по СССР и советским порядкам. Старуха Михайловна, коммунистка с 1948 года, выступая на деревенском сходе, с волнением говорит о тяжелых временах :

Я, все мы тут организовали наш леспромхоз на пустом месте, в лесу – спали на сене, под открытым небом. Проработали всю войну без выходных и праздников – правильно я говорю? – народ одобрительно загудел. – Восстанавливали его и после войны! Помните, бабоньки, как бревна вручную в вагоны грузили? [...] Восстанавливали и его после ликвидации! Работали без выходных и праздников, ради страны, ради партии – вот этими руками – Михайловна показала руки. Потому что родина требовала. За дело Ленина, Сталина! [...]. И после победы вашего – она ткнула пальцем в сторону официальных лиц, – капитализма восстанавливали лесхоз, в начале девяностых годков – работали как до войны, без денег, за палочки (Мамаева 2006).

В поражении акционерского общества героиня обвиняет директора и главу района, в чем несомненно права, но не учитывает того факта, что деревенские акционеры не имели малейшего понятия о законах капиталистической экономики и требованиях рынка.

В образе жителей Гая Мамаева выделяют несколько лиц – упомянутую Михайловну, крикливую и несимпатичную, лишенную внутреннего тепла и гармонии распутинских старух, но помогающую своей соседке Кузьминичне, беспомощной из-за старческого

слабоумия. Кузьминична, глубоко и по-настоящему верующая, принимает свою судьбу с христианским смирением, она добрая и доброжелательная по отношению ко всем людям – ее образ можно рассматривать как вариант образа юродивой. Благодаря этой героине деревенский пастух Егорка, пьяница и неудачник, мечтающий о выезде из Гая, обращается в православие, хотя в его случае нельзя еще говорить о настоящей вере (Егорка наивно думал, что с момента крещения все в его жизни мгновенно изменится к лучшему). Вспомнить следует также о цыгане Ваське, алкоголике, который даже во имя любви к своей маленькой дочке не может бросить водку (девочку насильственно забирают в детдом). Васька мечтает о лошади, на которой ускакал бы отсюда и вел счастливую цыганскую жизнь. Следы, то есть отпечатки, замеченные соседями после его исчезновения, можно понимать как сигнал смерти героя, так как конь это один из традиционных символов смерти (Kopaliński 1999, 158).

Никто из героев не реализует своей мечты, ничья мечта не сбывается: Михайловна сжигает скопленные на поездку на юг деньги, пастух Егорка не почувствовал в своей жизни присутствия Бога, цыган Васька не ускакал на своей лошади, вернее ускакал в никуда. Оставшиеся при жизни жители Гая обречены на смерть.

Захар Прилепин и Ирина Мамаева создают потрясающий образ деревенской жизни, подчеркивая в ее описании элементы распада и разрушения. Разрушение касается как пространства (распадающиеся, покосившиеся дома, грязные улицы, запущенные сады и огороды), так и жителей, не умеющих найти свое место в новой, измененной после 1991 года действительности, которая им чужда и враждебна. Воспитанные и прожившие в Советском Союзе почти всю свою жизнь, они не в состоянии начинать все заново, их мир кончился, этого нового они не знают и не хотят знать, ему они также не нужны. Большинство из них потеряли уже и надежду, и веру в смысл своего существования, живут лишь благодаря инстинкту выживания. Только немногие поддерживают старые традиции, среди молодого поколения исчезли уже такие ценности, как доброжелательность по отношению к людям, любовь к земле и труду (героиня *Ленкиной свадьбы* является здесь исключением). Произведения Прилепина и Мамаевой – это своеобразная полемика с романами и повестями представителей деревенской прозы, прежде всего с Вален-

тином Распутиным, искренне верившим, что русская деревня сохранила лучшие традиции патриархальной жизни и народную правду. Деревня нового века не оправдала этих надежд.

ЛИТЕРАТУРА:

Kopaliński Władysław: *Słownik symboli*. Warszawa 1999.

Мамаева Ирина: *Земля Гай*, magazines.russ.ru//druzhba/2006/ma4.html, дата доступа 17.09.2015.

Мамаева Ирина: *Ленкина свадьба*, magazines.russ.ru/druzhba/2005/6/ma7.html, дата доступа 15.09.2015

Погорелая Ирина: *Немотивированность бытия*. Ирина Мамаева, *Земля Гай*. М. «Вагриус» 2006, 320 стр., http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/6/po14.html, дата доступа 23.09.2015.

Прилепин Захар: *Санья*, www.litres.ru/zahar-prilepin/sankya/, дата доступа 12.09.2015.

Прилепин Захар: *Витек*, в: тот же, *Восьмерка*. Москва 2011.

Солженицын Александр: *Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину*, «Новый мир» 2000, № 5.